

С. А. Максимов

**ТЮРКСКО-УДМУРТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ
МЕТАМОРФОЗЫ II: О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВ
ИТАЛМАС ‘КУПАЛЬНИЦА ЕВРОПЕЙСКАЯ’,
КОНЬЫ ‘БЕЛКА’, АТТА ‘ВСЁ ВРЕМЯ, ПОСТОЯННО’**

Исследованием взаимовлияния удмуртского и тюркских языков занимались и зарубежные, и отечественные ученые. За более чем вековую историю этой тематике посвящено большое количество публикаций различного характера. Тем не менее в проблеме удмуртско-тюркских контактов еще много нерешенных вопросов. Настоящая работа посвящена верификации происхождения лексем, которые восходят к тюркскому источнику. Рассматриваются удмуртские слова: *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’, ‘копейка’, диалектное *атта* ‘всё время, постоянно’, а также русское слово *белка*. Их этимология неоднократно становилась предметом исследования, тем не менее остается открытой проблема их происхождения. В ходе изыскания было найдено удовлетворительное объяснение происхождения рассматриваемых лексем. Для фитонима *италмас* ‘купальница европейская’, который происходит от кыпчакского **it almas* ‘подобный алмазу’ (< ‘собачий алмаз’), нами представлена дополнительная аргументация в пользу существующей этимологии. Тюркские диалекты кыпчакского типа, с которыми предки удмуртов контактировали с X по XIV–XV вв., предлагаем мы обозначать термином «древнетатарский язык». Кроме указанного выше фитонима, к названному источнику восходит также зооним *коньы* ‘белка’; при этом др.-тат. **kōn* служило вовсе не для именованя зверька, а для обозначения *кожи, шкуры*. Попутно рассмотрена этимология русского слова *белка*. Оно может представлять собой кальку тат. *акча* ‘деньги’. Для слова *атта* ‘всё время, постоянно’, считавшегося продолжением тат. *хәтта* ‘вплоть, до, даже’, нами предложен другой татарский источник: *һәрвакытта* ‘всегда, всё время’, – который на удмуртской почве испытал лексико-морфологическое и фонетические преобразования.

Ключевые слова: удмуртский язык, татарский язык, древнетатарский язык, русский язык, языковые контакты, этимология, лексические заимствования, тюркизмы, понятие «купальница европейская», понятие «белка», этимология русского «белка», понятие «постоянно».

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-604-616

История исследования взаимовлияния удмуртского и тюркских языков насчитывает уже более века. Данным направлением в языкознании занимались и зарубежные ученые (Бернат Мункачи, Юрьё Вихманн, Карой Редери, Андраш Рона-Таш, Шандор Чуч), и отечественные (преимущественно – И. В. Тараканов). История изучения языковых контактов восточных финно-угорских (включая удмуртский) и тюркских народов обстоятельно освещена в одной из работ В. К. Кельмакова [Кельмаков 2017], так что останавливаться на этом вопросе здесь мы не будем. В другой работе тот же автор отмечает, что проблема удмуртско-тюркских контактов не может считаться решенной удовлетворительно, хотя данной тематике посвящено большое число публикаций [Кельмаков 2016, 192, 195]. Не удивительно, а может, даже вполне закономерно, что периодически появляются новые работы, исследующие тему тюркизмов в удмуртском языке.

Статья посвящена происхождению трех удмуртских лексем: *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’ и диалектного слова *атта* ‘всё время, постоянно’, а также русского зоонима *белка*. Этимология всех указанных слов неоднократно становилась предметом исследования лингвистов; тем не менее проблема их происхождения остается открытой. В частности, происхождению фитонима *италмас* уже было дано аргументированное объяснение, однако вновь появляются новые толкования, представляющие народную этимологию, которая большинством людей воспринимается гораздо легче, чем этимология научная. Это обстоятельство подтолкнуло нас еще раз обратиться к теме происхождения названия любимого цветка удмуртов, ставшего также одним из символов Удмуртской Республики. Весьма не проста история происхождения названия белки *коньы*: до того как стать зоонимом, оно испытало настоящие семантические и фонетические метаморфозы, так что обнаружить его тюркский источник было совсем не просто. В связи с удмуртским названием белки, попутно нами рассматривается происхождение русского слова *белка*, этимология которого, с нашей точки зрения, остается нерешенной даже в новейшем этимологическом словаре [Аникин 2009, 72].

Исходя из вышесказанного, актуальность работы представляется очевидной. Цель ее – исследовать дискуссионные этимологии удмуртских слов *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’, *атта* ‘всё время, постоянно’, а также русского слова *белка* и (по возможности) дать их происхождению аргументированное, непротиворечивое толкование.

1. Италмас бот. ‘купальница европейская’. Название это распространено в большинстве удмуртских диалектов (*италмас*, *итоўмас*, *итамас*, *аталмас*), за исключением нижнечепецкого, отдельных говоров среднечепецкого диалекта северного наречия, бесермянского наречия, а также завятских говоров [ДАУЯ 2014, 39]. На юго-западе Удмуртии еще возможен вариант *итаўмас*. Финский финно-угровед Ю. Вихманн в к. XIX в. зафиксировал это слово также в большинстве обследованных диалектов (*italmas*, *itãumas*), но в глазовском (совр. среднечепецком), а также в малмыжско-уржумском диалектах (совр. шошминский говор) записать это название ему не удалось [Wichmann 1987, 68]. В словаре венгерского ученого Б. Мункачи, исследовавшего язык удмуртов также в к. XIX в., название цветка имеет следующие варианты: *italmas*, *italmas-šaska*, *itamát*, *atalmas*. Они относятся к речи срединных и собственно южных удмуртов [Munkácsi 1990, 49, 13].

Италмас – любимый цветок удмуртов, Еще в прошлом веке он стал одним из символов Удмуртской Республики, чему, на наш взгляд, способствовало несколько обстоятельств. Один из выдающихся удмуртских мастеров слова М. Петров сочинил поэму «Италмас» по мотивам народной легенды, названную по имени девушки. Создание академического ансамбля песни и танца Удмуртии «Италмас», в течение долгих лет являвшегося визитной карточкой Республики. Благозвучие слова в сочетании с красивым видом цветка сыграло не последнюю роль также в широком использовании его как средство номинации (называния). Италмас в Удмуртии – это и торгово-развлекательный центр, и жилой комплекс, и село, и радиола сетевая ламповая, и удмуртское женское имя, и резиновые коврики, и моющее средство, и крепкий алкогольный напиток и др. Практически каждая пользовательница социальных сетей «Инстаграм», осознающая себя жительницей Удмуртии или удмурткой, считает делом чести иметь в своем профиле фотографию этого растения.

В течение длительного времени для населения Удмуртии было достаточно красивого образа и внешнего благозвучия слова. Но времена меняются, меняется, по-видимому, и образ мышления человека: ум становится более пытливым и желает глубже познать неизведанное. Иногда удмуртских лингвистов справедливо упрекают в том, что не всегда они идут в ногу со временем и не успевают удовлетворять потребности общества в языковой информации. Однако в отношении слова *италмас* подобная критика, полагаем, неуместна: названию купальницы европейской в Диалектологическом атласе удмуртского языка посвящена отдельная карта, на которой представлено распространение названий этого цветка в удмуртских диалектах. Карта

снабжена достаточно большим комментарием, в котором, в частности, рассматривается происхождение слова *италмас* [ДАУЯ 2014, 116–122]. К сожалению, научные изыскания на традиционном бумажном носителе в нынешних условиях не всегда доходят до адресата, а пылкий человеческий ум всегда старается дать толкование чему-то непонятному, включая и названия. Так, появился один из постов в социальных сетях «Фейсбук» со следующим содержанием: «Поле, мичуринские скиты, а на горизонте – деревня ИТАЛМАС. Оказывается, в переводе с татарского языка слово “ЭТ АЛМАС” – “НЕТ МЯСА”. Очень символичное наименование селения, которое было предназначено для проживания животноводов, мясников, переработчиков свинины и представителей служб обеспечения свинокомплекса “ВОСТОЧНЫЙ” [Мустаев]. Впоследствии автор поста получил несколько сообщений типа: «эт – это собака, а мясо будет *ит*; алмас – это *не возьмет*». В результате фраза “ЭТ АЛМАС” – “НЕТ МЯСА” была изменена на “ИТ АЛМАС” – “НЕТ МЯСА”.

Собственно, содержание изложенного выше поста стало причиной вновь обратиться к происхождению названия цветка *италмас*, которое, как мы считаем, восходит к кыпчакскому (древне- или старотатарскому) атрибутивному сочетанию **it almas* (**um алмас*), ср. совр. тат. *эт* ‘собака’ и *алмаз*. Оглушенный конечный звонкий согласный *з* мог быть воспринят как глухой *с*. Однако озвончение является поздним звуковым изменением: тат. уст. *алмас* ‘алмаз’ фонетически стоит ближе к источнику – араб. *алмās* < греч. *adamas* ‘не крошится, не раскалывается’ [ТатЭтим. I, 93] и идентичен второму компоненту удмуртского слова.

В номинации растений компонент со значением ‘собака; собачий’, как и названия некоторых других животных (волка, медведя, зайца, журавля, коровы, овцы и др.) типологически выступает как атрибут непригодного для использования человеком, ненастоящего, «нечеловеческого» [об этом см. напр.: Дмитриева 2001, 137], ср.: удм. *пуны сутэр* ‘жимолость красная’ (букв. ‘собачья смородина’, ядовитое растение), *пуны льём* ‘крушина ломкая’ (букв. ‘собачья черемуха’, ягоды малопригодны для употребления в пищу), *пуны весь* ‘паслен черный’ (букв. ‘собачьи бусы’, шаровидной формы блестящие ягоды свисают с растения в виде бус). В случае с рассматриваемым словом как мотивом при номинации послужил ассоциативный признак «подобный алмазу», иначе говоря, «такой, как алмаз, – красивый, сияющий (но не настоящий)».

Предложенный принцип номинации исследуемого фитонима в свое время был воспринят Л. В. Бусыгиной, нашедшей многочисленные подтверждающие примеры не только в удмуртском языке, но и в близкородственном коми: *пончӧд* ‘водяника, вороника’ (букв. ‘собачья черника’), *понпир* ‘черный паслен; собачьи ягоды’, *пон жыннян* ‘колокольчик’ (букв. ‘собачий колокольчик’; также в тюркском языке Поволжья – чувашском: *йым(ӑ) сёмрчӗ* ‘крушина’ (букв. ‘собачья ягода’); и в дальнеродственном финском: *koiranputki* ‘купырь лесной’ (букв. ‘собачья трубка’), *koiranvehnä* ‘рапс морской’ (букв. ‘собачья пшеница’) [ДАУЯ 2014, 118–119].

В современном татарском языке соответствия не сохранилось, однако такое название растения могло существовать в языке одного из кыпчакских племен Казанского ханства или (еще ранее) в золотоордынский период. Согласно исследованиям татарского вокализма, эволюция поволжско-тюркской системы гласных началась в XIII–XIV вв. и завершилась к XVIII в. [см. напр.: Фасеев 1985, 105–106]. В указанный промежуток времени протекал и следующий звуковой процесс: **i > *э (*e)*, соответственно: **it > эт* ‘собака’. Учитывая широкое, но не повсеместное бытование исследуемого слова в удмуртских диалектах, можно предположить, что оно было заимствовано примерно в XIV–XVI веках, при этом из кыпчакского диалекта, в котором изменение гласных еще не завершилось.

В истории тюркских языков период X–XV (или IX–XIV) вв. принято называть средне-тюркской эпохой [Периодизация; Фасеев 1985, 105–106], за которой следует новотюркская эпоха, когда литературным языком тюркских народов Поволжья служил так называемый старотатарский язык [Старотатарский язык]. В научных изданиях можно встретить также понятие «древнетатарский язык», под которым понимают кыпчакский язык Среднего Поволжья примерно до конца XIV в. [Ахметьянов 1978, 8]. Данным термином можно было бы назвать со-

вокупность диалектов кыпчакских племен Среднего Поволжья, с которыми предки удмуртов контактировали в упомянутую выше среднетюркскую эпоху (X–XV вв.). Термин «древнетатарский язык» важен с точки зрения исследования ранних тюркских заимствований кыпчакского типа в удмуртском языке, которые от собственно татарских заимствований отличаются: а) фонетически (отражают древнетюркский / древне- или среднекыпчакский вокализм); б) территориально (являются общеудмуртским достоянием или имеют весьма широкое распространение по диалектам).

Возвращаясь к исследуемой лексеме, следует подчеркнуть, что трактовка фитонима как ‘собака не возьмет’ (ср. тат. *эт алмас*) предлагаемая некоторыми исследователями, напр. М. Г. Атамановым и Р. Ш. Насибуллиным [Атаманов 1990, 221; ДАУЯ 2014, 118], представляет собой народную этимологию – переосмысление семантически неясного слова на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения. Народная этимология представляет собой своего рода «ловушку» даже для опытного исследователя, в связи с чем нелишне привести более подробное толкование: «В отличие от научной этимологии “народная этимология” <...> не реконструирует утраченные этимологические связи, а пытается объяснить происхождение слова, исходя из современного для автора этимологии состояния языка. Никакой научной аргументации подобные “этимологии”, как правило, не содержат. Опираются они лишь на случайное совпадение или даже на весьма отдаленное сходство в звучании слов» [Введенская, Колесников 2004, 39].

Рассмотрев происхождение слова *италмас*, хотелось бы остановиться еще на одном моменте. При исследованиях подобного типа возникают и логически вытекающие, и реально задаваемые вопросы, как-то: 1) разве не было у удмуртов своего названия купальницы? 2) если оно было, как оно могло звучать? 3) почему сами не придумали новое, оригинальное название?

Первоначальным названием купальницы в удмуртском языке было, скорее всего, слово *гудырисьяска*, которое ныне обозначает калужницу болотную. Однако у удмуртов севера Глазовского района и большинства бесермян наименование *гуд(ь)рис'ас'ка* (*гьдърьс'ас'ка*) служит также для обозначения купальницы. Полагаем, что этим словом, а также словом *чужсяска* ‘желтый цветок’ удмурты ранее называли представителей семейства лютиковых: ядовитые растения с желтыми цветами. В суровых жизненных условиях древнего человека значимым, приметным могло считаться лишь то, что могло быть полезным для его выживания, или, напротив, что могло навредить ему. Растения, подобные лютиковым, непригодные даже для корма скоту, вряд ли могли получить особые названия. Так, большинство несъедобных грибов или считающихся таковыми, включая шампиньоны, в удмуртском и поныне не имеют названий, относясь к разряду «*сйтъгуби/кыедгуби*» букв. ‘кал, фекалии + гриб / навоз + гриб’.

Интересно, что наименования лютиковых и некоторых других растений связаны с народными поверьями. Так, *гудырисьяска* состоит из двух компонентов: *гудыри* ‘гром’ и *сяска* ‘цветок’. Мотивационной базой для номинации фитонима послужило народное поверье в то, что если сорвать цветы калужницы, может поразить молнией (удм. *гудыри чашьёз* ‘гром поразит’). Н. Ю. Сунцова названное поверье объясняет тем, что время цветения калужницы, купальницы, некоторых видов гвоздики «совпадает с грозовыми весенним и летним периодами. В этот период возрастает опасность повреждения или уничтожения сельскохозяйственных культур градом и ураганом, возрастает пожарная опасность и вероятность поражения людей и скота молнией» [Сунцова 2005, 148]. Таким образом, слово *гудырисьяска* ранее служило общим наименованием *калужницы* и *купальницы*, возможно, и отдельных видов *лютика*. Впоследствии в большинстве диалектов удмуртского языка купальницу стали именовать древнетатарским заимствованием *италмас*, а лютик – русским *купанча*, ср. рус. диал. *купальница* ‘лютик’ [СРНГ 1980, 98]. Для сравнения отметим, что в близкородственном коми-пермяцком языке, а также в некоторых южных диалектах коми-зырянского языка купальницу именуют словом *горадзуль* (*горадзоль*), состоящим из компонентов *гора* ‘звонкий, звучный, гулкий, громкий, раскатистый’ [ССКЗД, 83] и *дзуль* (*дзоль*) ‘цветок’, ‘шар, шарик’.

Принцип номинации аналогичен удмуртскому *гудырисьяска*: атрибут *гóra* является отражением раскатов грома; ср. кп. *гóra-гыма кымёр* ‘грозовая туча’ [КПРС, 101].

Следует сказать, что носители отдельных диалектных групп не успокоились ни старым родовым названием лютиковых, ни специализированными заимствованиями. Таковым является нижнечепецкий диалект, где купальницу называют словом *кикокукы*, которым в среднечепецком (*кикоку(к)кы*, *кикоку(к)къ*) именуют кукушку. Указанное название кукушки, а впоследствии и цветка, возникло в результате миграции завятских удмуртов (Татарстан) на Чепцу: шошминских – с названием кукушки *кикы* и кукморских – с названием кукушки *ку(к)къ*. В отдельных населенных пунктах среднечепецкого и бесермянского ареалов купальницу называют словом *лудмак* ‘дикий мак’ – не из-за красивого бутона, а в силу того, что спелые черного цвета семена, богатые эфирными маслами, ранее употреблялись в пищу. Имеются и некоторые другие названия купальницы в удмуртском, об этом можно узнать в Диалектологическом атласе удмуртского языка [ДАУЯ 2014, 39, 116–122].

Что касается современного татарского литературного языка, то в нем название купальницы образовано вполне обыденно – *сарычәчәк* букв. ‘желтый цветок’ [ТРС 2007, II: 219].

2. Коньы 1. ‘белка’ 2. ‘копейка’. Приведенное слово общепринятой этимологии не имеет. По мнению Р. Ш. Насибуллина, оно заимствовано из древнерусского языка и восходит к слову *куна* > *куница* > *кунья* [ДАУЯ 2010, 322–323]. Данное предположение несет в себе трудности в первую очередь фонетического характера: если даже допустить существование в древнерусском гипотетического слова **кунья*, то в современном удмуртском мы бы имели название белки в форме **kuńjo* (**куньё*).

В. В. Напольских выдвигает несколько иную гипотезу происхождения исследуемого слова. Удмуртское *końi* ‘белка; денежная единица, копейка’, а также коми слова *kań* ‘кошка’ и *kij* ‘песец’ он возводит к прап. **końz* ‘пушной зверёк: белка, песец; кошка’, источником которого, как он считает, могло стать балт.-слав. **kounja*: праслав. **kuna*, **kunica* ‘куница, кошка, пушной зверёк; vulva, девушка’ ~ балт.: лит. *kiaune*, *kiaunis*, прус. *saune*, лтш. *sauna*, *saune* ‘куница’, лтш. *kuna*, *kuņina* ‘сука’ [Напольских 2006, 13–14].

В данной гипотезе, с нашей точки зрения, неубедительно выглядят несколько моментов. Во-первых, из реконструируемой прапермской формы **końz* вряд ли следовало бы ожидать следующие изменения гласного первого слога: **o* > к. *a*, *ы*, поскольку прапермское открытое *o* во всех коми диалектах представлено аналогичным гласным, как и закрытое *o*, субститутом которого лишь в коми-язвинском наречии является звук *у*, а в верхнесысольском диалекте – *o*. Во-вторых, из прап. **końz* в удмуртском должна была развиваться форма **kuńz* ~ **kuńi*. В-третьих, если допустить, что балто-славянское заимствование в пермские языки проникло в связи с пушной торговлей, то в коми языке вряд ли сохранилось бы исконное слово *ур* ‘белка’; а если заимствование произошло, например, по причине табу, которое имеет место в отношении многих названий зверей, то в удмуртском языке было бы вытеснено, скорее всего, слово *сёр* ‘куница’. Приведенные нами доводы показывают, что проникновение удм. *коньы* с запада маловероятно. В то же время вполне возможно, что коми названия зверей *kań* ‘кошка’ и *kij* ‘песец’ могли быть заимствованы из балтийских языков (но не в прапермский язык).

Марийский лингвист В. И. Вершинин указывает на возможную связь удмуртского названия белки со словом *гон* ‘шерсть; пух перо; волосы на теле’ [Вершинин 2015, 94, 51]. Такая связь сомнительна уже из-за несоответствия консонантизма сопоставляемых слов, не говоря уже о проблемах иного плана.

Отсутствие бесспорной этимологии исследуемого слова подвигло нас на поиск новых путей решения проблемы. В Древнетюркском словаре мы находим слово: *kõn* ‘выделанная кожа’, *tevä kõni* ‘верблюжья кожа’ [ДТС 1996, 314]¹, – фонетически напоминающее название белки в удмуртском языке; семантически же – хотя и весьма отдаленное, но вполне сопоставимое.

¹ На возможность связи данных тюркских слов с удм. *коньы* нам указал историк-любитель А. В. Краснов, уроженец д. Азаматово Алнашского района УР.

Как известно, до появления металлических денег расчетной единицей в торговле служили разные предметы, в частности шкурки пушных зверей или иных животных. В языках Среднего Поволжья и Предуралья в качестве торгового эквивалента использовалась шкурка белки, о чем говорит функционирование названия этого зверька еще в значении ‘копейка’ или другой денежной единицы в современных языках упомянутого региона, ср.: тат. *тиен* I ‘белка’, *тиен* II ‘копейка; грош’, удм. *коньы* 1. ‘белка; векша’ 2. ‘копейка’, мар. *ур* 1. ‘белка’ 2. ист. ‘денежка, копейка’ [ГРС 2007 II, 371; УРС 2008, 317; МРС 1991, 366]; чув. *пус* ‘копейка’ < перс. *пуста* ‘шкура’ [Ахметьянов 1978: 123].

Не исключено, что среднеазиатские тюркские купцы вели торговлю с народами Среднего Поволжья еще до проникновения сюда болгарских племен (VII–VIII вв.). С созданием к X в. Волжской Булгарии [История Удмуртии... 2007, 229–231], торговые связи с тюркоязычным населением должны были только усилиться. Однако мы не можем утверждать, что искомое слово проникло из языка болгарского типа, поскольку в современном чувашском аналогичное слово отсутствует. В то же время соответствие имеется в татарском языке – тат. *кун* ‘кожа (выделанная), шкура’, которое восходит к общекыпчакскому *көн* ‘кожа (выделанная)’ < др.-тюрк. *көөн* ~ монг. *көм* ‘тж.’ [ТатЭтим. I, 493; см. также: Räsänen 1969, 290].

Подчеркнем, что в языке предков современных казанских татар начального периода удмуртско-татарских отношений, как и в других языках кыпчакских племен, выделанная кожа должна была звучать как **kön* (**көн*). На данном этапе торговых отношений предков удмуртов с тюркскими купцами древнеудмуртское понятие **ur ku* ‘беличья шкурка’ (букв. ‘белка + кожа, шкура’) должно было соотноситься с тюркской расчетной единицей типа **tejin köni*, ср. совр. тат. *тиен күне* ‘беличья шкурка’. Так, беличья шкурка, будучи торговой единицей, могла замениться тюркским словом, которым впоследствии древнеудмуртские охотники по табуистическим соображениям начали называть и «валютного» зверька: др.-удм. **ur ku* > **ur köni* > праудм. **(ur) köni* > удм. *коньы*.

Как уже сказано выше, эволюция поволжско-тюркской системы гласных началась в XIII–XIV вв. и завершилась к XVIII в. В указанный временной период (вероятно, уже в его начале) фонетические изменения должны были коснуться и древнетатарского слова со значением ‘кожа (выделанная), шкура’: **kön* > *кун*. Заимствование должно было произойти до указанного изменения. Поскольку лексема *коньы* имеет общеудмуртское распространение, она является одним из наиболее ранних древнетатарских заимствований (заимствований кыпчакско-татарского типа).

Название белки послужило также базой для наименования денег в удмуртском языке – *коньдон* < *коньы* ‘белка’ + *дон* ‘цена’ (букв. ‘цена белки’). Второй компонент восходит к прап. **don* ‘цена, стоимость’, в современных пермских языках представлено лексемами: к. *дон* и удм. *дун*. По утверждению Р. Ш. Насибуллина, в составе сложного слова компонент *дон* в удмуртском языке сохранился в архаической форме [ДАУЯ 2010, 322; КЭСК, 95].

Другое наименование денег в удмуртском – *уксё*, которое в удмуртском языкознании принято относить к болгарским заимствованиям, сравнивая с чув. *укса* ~ *окса*, тат. *акча*, башк. *акса* ‘деньги’ [Тараканов 1993, 133; ЭтимЧув. II, 273–274; ДАУЯ 2010, 322]. Чув. *укса* ~ *окса*, как и тат. *акча*, – общетюркское слово, с первоначальным значением ‘нечто белое’, т. е. ‘серебряная монета’; восходит оно к *ак* ‘белый’ [ТатЭтим. I, 86].

Учитывая ареал функционирования слова *уксё* в удмуртских диалектах (преимущественно в южной диалектной зоне; занимает не более 60–65 % этнической территории) [см.: ДАУЯ 2010, 72], его следует отнести не к болгаризмам, а к чувашским заимствованиям. Одна из причин распространения среди южных удмуртов – это популярность серебряных монет как женских украшений. В бассейн Чепцы проникло вместе с переселенцами-бесермянами, для которых *уксё* служило обозначением денег еще во II пол. прошлого века, ср.: бес. *uks'ode as'los'tod šet't'ə*. ‘Ты у себя самого поищи мелочь (деньги)’ [Тепляшина 1970, 188]. В настоящее время

в северной диалектной зоне оно бытует лишь в речи слободских удмуртов. Бесермяне же вновь восприняли от северных удмуртов уже забытую «цену белки» – *коньдон*.

2.1. Бѣлка. Рассмотрев этимологию названия белки в удмуртском языке, а также коснувшись вкратце отношения его к товарно-денежному обмену, хотелось бы попутно остановиться на происхождении лексемы *белка* в русском, которое не менее путаное, чем в удмуртском. Большинство найденных нами этимологий, как правило, отталкиваются от гипотезы Макса Фасмера или / и В. И. Даля. Суть этимологии М. Фасмера: *бѣлка*, др.-рус. *бѣла* (СПИ) («Слово о полку Игореве». – С. М.), *бѣла вѣверица* ‘белая белка’ (Лаврентьевск. и Ипатьевск. летоп. под 859 г.). Автор отмечает, что «Благодаря этим свидетельствам этимология ясна и связь с *бѣль* ‘белый’ является доказанной» [Фасмер 1964, 148].

Изложенное М. Фасмером происхождение названия всем известного зверька, с рыжеватым окрасом летом и сероватым зимой, от прилагательного *белый* многих приводит в недоумение. В сети интернета можно найти разные попытки объяснить данное несоответствие. Но прежде представим материал из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля: «*Вѣверица* ж. стар. пушной зверок, которым платили дань; вероятно ласочка, горноста́й или белка; всячески некстати иные ученые *сурка* прозвали *вѣверицей*. Виру (денежное возмещение за убийство или др. преступление. – С. М.) платили по *белей вѣверице* или по *белей векше*; но это *или* не доказывает, чтобы *вѣверица* и *векша*, *векша* было одно и то же, а только что они были в одной цене. Горноста́й и ласочка летом бурые, зимой белые; *белая вѣверица*, зимнего, дошлого улова; *векша*, рыжая, зимою голубая, но и здесь *белая* могло бы означать дошлую, зимнюю, и, хотя *векша* никогда не бывает белою, получила название *белки*. *Вевѣрка* зап. поныне *векша*, *белка*» [Даль: *вѣверица*].

Из приведенного разъяснения можно понять, что: во-первых, летописная *бѣла вѣверица* (Лаврентьевск. и Ипатьевск. летоп. под 859 г.) – это вовсе не ‘белая белка’, а белый горноста́й или ласка; во-вторых, *белая векша* – это ценный мех белки, который добывали в зимнее время. У других пушных зверьков, которыми платили дань (горноста́й и ласка), зимой был естественный белый мех. Возможно, по аналогии с этими зверьками зимний мех *векши* (белки) называли белым. Однако возможно и другое объяснение (см. ниже).

Информация о белой *векше* находит разные толкования. В частности, в этимологическом онлайн-словаре Г. А. Крылова дается следующее описание: «*Бѣлка*. Древнерусское образование от существительного *бела*. Животное это, как ни странно, получило название по цвету шкурки необычного и хорошо знакомого нам зверька, а по очень редкой – белой – разновидности [Крылов]. В этимологическом словаре русского языка А. В. Семёнова в целом повторяется мысль М. Фасмера, а для объяснения собственно причины названия зверька *белкой* автор дает вольную интерпретацию материала словаря В. И. Даля: «Мнения ученых сходятся в том, что в эпоху Древней Руси была особая порода белок с белым окрасом шерсти, что и послужило основой для их названия [Семёнов]. Автор не указывает никакой ссылки на источник, и если бы даже имелась ссылка, вряд ли она могла бы представлять мнение ученых. Биологическая наука не располагает данными о существовании какой-либо особой породы или вида белки с белым окрасом, а белки альбиносы рождаются чрезвычайно редко – 10 из миллиона [Белка альбинос].»

При изучении происхождения названия белки, безусловно, нельзя обойти данные нового многотомного этимологического словаря А. Е. Аникина: *бѣлка* ‘зверек из отряда грызунов, *векша*’, ‘шкурка белки’, ‘денежная единица’ (XIV в.), *писчая бѣлка* ‘пошлина за перепись земель с их владельцев’ (1425) || укр. *білка*, блр. *бѣлка*, болг. *бялка* ‘белка’, польск. диал. *bialka* ред. ‘белка, мех белки’, в остальных славянских языках представленные родственные слова означают в основном ‘белое домашнее животное’. Как и М. Фасмер, автор считает возможным происхождение от др.-рус. *бѣль*, при этом вполне допускает, что первоначально обозначало животного белой / светлой масти, которое уже в восточно-славянских закрепило за *белкой* [Аникин 2009, 72]. Как видим из описания, этот словарь также не вносит ясность в этимологию «белки». При этом по непонятной нам причине автор совсем не упоминает материалы словаря В. И. Даля.

Совершенно иной взгляд на происхождение русского слова *белка* представлен в «Этимологическом словаре татарского языка», составленного Р. Г. Ахметьяновым. Выше уже было сказано, что тат. *акча* ‘деньги’, как и чув. *укса*, является общетюркским словом с первоначальным значением ‘нечто белое’ < ‘серебряная монета’ и восходит к лексеме *ак* ‘белый’. Из тюркских языков данные слова проникли в финно-угорские языки Поволжья, при этом в мокша-мордовском соответствии *акша* (< ног.) означает не деньги, а ‘нечто белое, белизна’. Автор словаря, ссылаясь на другие источники, отмечает, что во многих языках слова со значением ‘деньги’ образованы от ‘белый’, например: мингрел. *tetari*, греч. *аспр*, исп. *bianche*, тур. *акча* – все они означают и ‘белый’, и ‘деньги’; таково происхождение и названия хазарских денег *шэлэг* [ТатЭтим. I, 86]. По мнению Р. Г. Ахметьянова, русское *белка* является калькой тюркско-татарского слова *акча* [Там же, 86, 260].

Если принять вышеизложенную гипотезу, то *белая векша* (в словаре Даля) – это ценная (приносящая деньги) *белка* или ее мех, который добывали в зимнее время.

3. Агта диал. ‘всё время, постоянно, всегда’. В лексикографических источниках фиксируется относительно недавно: *атта* диал. ‘беспременно, постоянно, всегда, часто’; *атта со ог кылзэ вера* ‘он беспременно говорит об одном и том же’ [УРС 1983, 35; УРС 2008, 51]. Территориально лексема распространена в закамских говорах (периферийно-южный диалект): шг. *атта*, бт. татш. *ätmä*, канл. *эттэ* ‘всё время, постоянно, всегда’. Примеры-предложения: шг. *туэ гужэм атта зорэ*. ‘Этим летом постоянно идут дожди’; татш. *пинал'л'ос ätmä урамти кързаса вэ'ло*. ‘По улице всё время ходит молодежь, распевая песни’. Зафиксировано также в одном из завятских говоров – шошминском: *атта* ‘всегда, всё время, постоянно, беспременно’ [Алатырев 1978: 129]. Однако при опросе носителей шошминского говора подобного слова в их родном диалекте выявить не удалось.

По мнению В. И. Алатырева, исследуемое слово – татарское заимствование; приводит следующие возможные соответствия: тат. *хätта* ‘вплоть, до, даже’, *хätти* ‘достаточно много, далеко’, башк. *hämtäyüq*, *hämtüq* ‘изрядно, порядочно’ < араб. [Там же, 129]. Данную этимологию поддерживает марийский лингвист В. И. Вершинин [2015, 13]. Однако *атта* отсутствует в словаре тюркизов И. В. Тараканова [Тараканов 1993]. Действительно, сопоставление сомнительно ввиду семантической отдаленности. Кроме того, если анлаутное *h* в удмуртском может передаваться нулевым звуком, то субститутом татарского согласного *x* должен быть звук *k*.

Предлагаем следующую альтернативу: удм. *атта* (*ätmä*) < тат. *һәрвакытта* ‘всегда, всё время, в любое время’, ‘всякий раз, постоянно, вечно’. Слово испытало опрощение. Префикса *һәр-*, употребляемая в татарском также как самостоятельное слово *һәр* ‘каждый, всякий’, отпала, поскольку компонент *вакытта* в удмуртском отдельно не употребляется и может нести полностью семантическую нагрузку. Однако до этого слово прошло через фонетические преобразования, в числе которых и гармоническое выравнивание гласных (в «ä-говорах»): *һәрвакытта* > 1) (*h*)*äp'äk'ätmä* > *äk'ätmä* > *ätmä*; 2) (*h*)*äp'äk'ätmä* > *äk'ätmä* > *ätmä*. Также нельзя полностью исключать версию о том, что источником послужило аналогичное татарское слово типа **ätmä* ~ **äktä* (< *һәрвакытта*) ‘всё время, всегда, постоянно’. Подобное слово, хотя и не зафиксировано, но ранее могло употребляться в отдельных татарских (или башкирских) говорах, как и в случае со словом *италмас*.

Заключение

В ходе исследования рассматриваемых лексем было найдено удовлетворительное решение проблемы их происхождения. Для фитонима *италмас* ‘купальница европейская’ уже ранее было дано логичное объяснение этимологии, однако она оспаривалась сторонниками толкования происхождения по принципу народной этимологии. Нами приведена дополнительная аргументация в пользу существующей этимологии названия растения, которое происходит от тюркского **it almas* ‘подобный алмазу’ (букв. ‘собачий, ненастоящий алмаз’). Тюркские диалекты Среднего Поволжья небулгарского (кыпчакского и, возможно, огузского) типа, с ко-

торыми предки удмуртов контактировали с X по XIV–XV вв., вслед за некоторыми учеными нами предложено обозначать термином «древнетатарский язык». Кроме указанного выше фитонима, к названному источнику также восходит зооним *коньы* ‘белка’, при этом др.-тат. **köp* служило вовсе не для обозначения зверька, а для именованя кожи, шкуры. Это слово проникло в удмуртский в ходе товарно-денежного обмена. Попутно рассмотрена этимология русского слова *белка*, которая до сих пор не нашла окончательного решения. Русское название зверька, вероятно, имеет определенную аналогию с происхождением слова *коньы*. Оно может представлять собой кальку тат. *акча* ‘деньги’ < *‘серебряные / белые деньги’, с первоначальным значением *‘нечто белое, белизна’ < *ак* ‘белый’. Для диалектного слова *атта* ‘всё время, постоянно, всегда’, считавшегося продолжением тат. *хätта* ‘вплоть, до, даже’, нами предложен другой татарский источник – *һарвакытта* ‘всегда, всё время, в любое время’, который на удмуртской почве испытал лексико-морфологическое и фонетические преобразования.

Поскольку история этноса и его языка очень тесно взаимосвязаны, исследование происхождения слов может пролить свет на некоторые стороны жизненного пути народа.

СОКРАЩЕНИЯ

Языков и диалектов: араб. – арабский язык; балт. – балтийские языки; балт.-слав. – балто-славянский праязык; башк. – башкирский язык; блр. – белорусский язык; болг. – болгарский язык; бт. – буйско-таньпский говор (пуж.); греч. – греческий язык; др.-рус. – древнерусский язык; др.-тат. – древнетатарский язык; др.-тюрк. – древнетюркский язык; др.-удм. – древнеудмуртский язык; исп. – испанский язык; к. – коми язык; канл. – канлинский говор (пуж.); кп. – коми-пермяцкий; лит. – литовский язык; лтш. – латышский язык; мар. – марийский язык; мингрел. – мингрельский (грузинский) язык; монг. – монгольский язык; ног. – ногайский язык; перс. – персидский язык; польск. – польский язык; прап. – прапермский язык; праслав. – праславянский язык; праудм. – праудмуртский язык; прус. – прусский язык; тат. – татарский язык; татш. – татышлинский говор (пуж.); ташк. – ташкичинский говор (пуж.); тур. – турецкий язык; удм. – удмуртский язык; укр. – украинский язык; чув. – чувашский язык; шг. – шагиртско-гондырский говор (пуж.); шошм. – шошминский говор (пуж.)

Прочие сокращения: бот. – ботанический термин; букв. – буквально, буквальный перевод; диал. – диалект, диалектное; ист. – исторический термин; ред. – редко, редкое употребление; совр. – современный, современное; уст. – устарелое.

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1988. 240 с.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 3 (бе – болдыхать). 2009. 344 с.

Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор = Словарь личных имён удмуртов. Ижевск, 1990. 396 с.

Ахметьянов. Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 248 с.

Белка альбинос – Белка альбинос, описание, образ жизни, среда обитания, фото, видео [Эл. ресурс]. URL: <http://pitomei.nemo.su/articles/318-belka-albinos-opisanie-obraz-zhizni-sreda-obitanija-foto-video.html> (Дата обращ.: 21.05.2020)

Введенская Л. А., Колесников Н. Н. Этимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 221 с. (Серия «Учеб. пос.»)

Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. 254 с.

Даль: веверица // Толковый словарь Даля [Эл. ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal/веверица> (Дата обращ.: 21.05.2020)

ДАУЯ 2010 – Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. II. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 364 с.

ДАУЯ 2014 – Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. 280 с.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ed. by K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 с. (Studies in Linguistics of the Volga-Region)

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / АН СССР. Ин-т языкознания. Л., 1969. XXXVIII + 677 с.

История Удмуртии... – История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М. Г. Ивановой; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.

Кельмаков В. К. К проблеме о тюркском влиянии на удмуртский язык // Тюркское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 1–4 нояб. 2016 г. / под общ. ред.: Р. Р. Замалетдинова, Г. Р. Галиуллиной. Казань, 2016. С. 192–196.

Кельмаков В. К. К истории изучения языковых контактов Восточно-финских и тюркских народов Поволжья и Приуралья // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. Ижевск: Изд. центр «Удм. ун-т», 2017. С. 127–141.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман; АН СССР. Ин-т языкознания; Перм. гос. пед. ин-т. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

Крылов – Белка // Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. [Эл. ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/б/белка> (Дата обращ.: 21.05.2020)

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.

МРС 1991 – Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

Мустаев – Страница «Василий Мустаев» на Facebook [Эл. ресурс]. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2635999210004638&id=100007837531249 (Дата обращ.: 07.04.2020)

Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3–19.

Периодизация – Периодизация истории чувашского языка // Чувашская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3888> (Дата обращ.: 06.06.2020)

Семёнов – Белка // Этимологический словарь русского языка Семенова [Эл. ресурс]. URL: <https://semenov.academic.ru/134/белка> (Дата обращ.: 21.05.2020)

СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; АН СССР. Ин-т русского языка. Л.: Наука. Вып. 16: Кудея–Лесной. 1980. 376 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под. ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

Старотатарский язык – Старотатарский язык // Википедия [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Старотатарский_язык (Дата обращ.: 06.06.2020).

Суңцова Н. Ю. Эколого-биологический анализ и история использования ресурсных растений, а также грибов и лишайников Удмуртии: Дис. ... канд. биол. наук. Уфа, 2005. 181 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

ТатЭтим. I – Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда (= Этимологический словарь татарского языка: в двух томах). Казан: Мәгариф Вақыт, 2015. Т. I (А–Л). 543 с.

ТРС 2007 II – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). 726 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

Фасеев Ф. С. Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии // К формированию татар Поволжья и Приуралья: Сб. статей / АН СССР. Казанский филиал. Казань, 1985. С. 99–109.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс. Т. I: А–Д. 1964. 562 с.

ЭтимЧув. II – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1996. Т. 2 (С–Я). 509 с.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2. kiadás: Pécs, 1990.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae LSFU XVII)

Wichmann – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 07.09.2020

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: makser02@yahoo.com

S. A. Maksimov

TURKIC-UDMURT LEXICAL METAMORPHOSES II: ON THE ORIGIN OF THE WORDS *ITALMAS* 'TROLLIUS EUROPAEUS', *KOŃĬ* 'SQUIRREL', *ATTA* 'ALL THE TIME, CONSTANTLY'

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-604-616

Foreign and domestic scientists have been studying the mutual influences of the Udmurt and Turkic languages. For more than a century, this issue has been covered in a sufficient number of publications. However, the problem of Udmurt-Turkic contacts *had not yet been* fully resolved. This work is devoted to verification of the origin of lexemes dating back to the Turkic source. The Udmurt words *italmas* 'Trollius europaeus', *koŃĭ* 'squirrel', the dialect word *atta* 'all the time, constantly', as well as the Russian word *belka* 'squirrel' are considered. The etymologies of these words have been repeatedly studied, however, the problem of their origin remains unresolved. The study found a satisfactory explanation of the origin of the considered lexemes. We have presented additional arguments in favor of the existing etymologies for phytonym *italmas* 'Trollius europaeus', which derived from the Kipchak **it almas* 'like a diamond' (< 'dog diamond'). We propose to denote the Turkic dialects of the Kipchak type with which the ancestors of the Udmurts contacted from the 10th to the 14th – 15th centuries by the term "ancient Tatar language". In addition to the above phytonym, the zoononym *koŃĭ* 'squirrel' goes back to the same source, but the ancient Tatar word **kōn* did not name the animal, but designated the skin of the animal. Along the way, the etymology of the Russian word *belka* 'squirrel' is considered. It may be a *calque* from the Tatar *akcha* (акча) 'money'. For the word *atta* 'all the time, constantly', which was considered a continuation of the Tat. *khatta* (хәтма) 'until, even', we proposed another Tatar source – *harwakytta* (һәрвакытта) 'always, all the time', which experienced lexical-morphological and phonetic transformations on the basis of Udmurt language.

Keywords: Udmurt language, Tatar language, ancient Tatar language, Russian language, language contacts, etymology, lexical borrowings, Turkisms, concept "Trollius europaeus", concept "squirrel", etymology of Russian *belka* 'squirrel', concept "constantly".

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 604–616. In Russian.

REFERENCES

Alatyrev V. I. *Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka: Bukvy A, B.* [Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka: Letters A, B. Izhevsk, 1988. 240 p. In Russian.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 3 (be – boldykhát'). 2009. 344 p. In Russian.

Atamanov M. G. *Udmurt nimbugor = Slovar' lichnykh imen udmurtov* [Dictionary of personal names of Udmurts]. Izhevsk, 1990. 396 p. In Russian.

Akhmet'yanov. R. G. *Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov (fonetika i leksika)* [Comparative study of the Tatar and Chuvash languages (phonetics and vocabulary)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 248 p. In Russian.

Belka al'binos – Belka al'binos, opisaniye, obraz zhizni, sreda obitaniya, foto, video [Albino squirrel, description, lifestyle, habitat, photo, video] [El. resource]. URL: <http://pitomci.nemo.su/articles/318-belka-albinos-opisaniye-obraz-zhizni-sreda-obitaniya-foto-video.html> (accessed 21 May 2020). In Russian.

Vvedenskaya L. A., Kolesnikov N. N. Etimologiya: uchebnoe posobie [Etymology: study guide]. Sankt-Peterburg: Piter Publ., 2004. 221 p. (Seriya «Uchebnoe posobie»). In Russian.

Vershinin V. I. *Etimologii udmurtskikh slov* [Etymologies of the Udmurt words]. Ioshkar-Ola, 2015. 254 p. In Russian.

Dal': veveritsa – Tolkovyi slovar' Dal'ya [Dahl's Explanatory Dictionary] [El. resource]. URL: <https://gufo.me/dict/dal/veveritsa> (accessed 21 April 2020). In Russian.

DAUYa 2010 – *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. II* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue II] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Ostavnova. Izhevsk, NITs Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., 2010. 364 p. In Russian.

DAUYa 2014 – *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. IV* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue IV] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, L. V. Busygina. Izhevsk, NITs Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., 2014. 280 p. In Russian.

Dmitrieva Yudit. *Chuvashskie narodnye nazvaniya dikorastushchikh rastenii* [Chuvash folk names of wild plants] / Ed. by K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 p. (Studies in Linguistics of the Volga-Region). In Russian.

ДТС 1969 – *Drevnetyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969. XXXVIII + 677 p. In Russian.

Istoriya Udmurtii... – *Istoriya Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v.* [History of Udmurtia: From ancient times to the 15th century] / Ed. M. G. Ivanova. Izhevsk, Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 304 p. In Russian.

Kel'makov V. K. K probleme o tyurkskom vliyani na udmurtskii yazyk [To the problem of Turkic influence on the Udmurt language]. *Tyurkskoe yazykoznanie v kontekste evraziiskoi gumanitarnoi nauki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Kazan', 1–4 noyab. 2016 g.* [Turkic linguistics in the context of the Eurasian humanities: proceedings of the Intern. scientific-practical conf., Kazan, November 1–4. 2016] / Ed.: R. R. Zamaletdinova, G. R. Galiullin. Kazan, 2016, pp. 192–196. In Russian.

Kel'makov V. K. K istorii izucheniya yazykovykh kontaktov Vostochno-finskikh i tyurkskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya [On the history of the study of linguistic contacts of the East Finnish and Turkic peoples of the Volga and Ural regions]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: aktual'nye problemy normativnoi i istoricheskoi fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki. Sbornik statei* [Language contacts of the peoples of the Volga X: current problems of normative and historical phonetics, grammar, lexicology and stylistics. Digest of articles]. Izhevsk, Udmurt University Publishing Center Publ., 2017, pp. 127–141. In Russian.

KPRS – *Komi-permyatsko-russkii slovar': Ok. 27 000 slov* [Komi-Permyak-Russian Dictionary: Approx. 27 000 words] / Comp. R. M. Batalova, A. S. Krivoshechkova-Gantman. Moskcov, Russkii yazyk Publ., 1985. 624 p. In Komi-Permyak. In Russian.

Krylov – Belka. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Krylova G. A. [Squirrel. Etymological online dictionary of the Russian language by G. Krylov] [El. resource]. URL: <https://lexicography.online/etymology/b/belka> (accessed 21 May 2020). In Russian.

KESK – **Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1999. 430 p. In Russian.

MRS 1991 – **Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V.** *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ, 1991. 512 p. In Mari. In Russian.

Mustaev – Stranitsa «Vasilii Mustaev» na Facebook [The Vasily Mustaev Facebook Page] [El. resource]. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2635999210004638&id=100007837531249 (accessed 7 April 2020). In Russian.

Napol'skikh V. V. Balto-slavyanskii yazykovoi komponent v Nizhnem Prikam'e v ser. I tys. n. e. [Balto-Slavic language component in the Lower Prikamye in the middle of the 1st millennium e.]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2006, No. 2, pp. 3–19. In Russian.

Periodizatsiya – Periodizatsiya istorii chuvashskogo yazyka. Chuvashskaya entsiklopediya [Periodization of the history of the Chuvash language // Chuvash Encyclopedia] [El. resource]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3888> (accessed 6 June 2020). In Russian.

Semenov – Belka. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka Semenova [Squirrel. The etymological dictionary of the Russian language by Semenov] [El. resource]. URL: <https://semenov.academic.ru/134/belka> (accessed 21 May 2020). In Russian.

SRNG 1980 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects] / Ch. ed. F. P. Filin; Ed. F. P. Sorokoletov. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 16: Kudelya–Lesnoi, 1980. 376 p. In Russian.

SSKZD – *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects] / Comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharov, V. A. Sorvacheva; ed. V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1961. 492 p. In Komi. In Russian.

Starotatarskii yazyk – Starotatarskii yazyk. Vikipediya [Old Tatar language. Wikipedia] [El. resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Starotatarskii_yazyk (accessed 6 June 2020). In Russian.

Suntsova N. Yu. *Ekologo-biologicheskii analiz i istoriya ispol'zovaniya resursnykh rastenii, a takzhe gribov i lishainikov Udmurtii: Dis. kand. biol. Nauk* [Ecological and biological analysis and the history of the use of resource plants, as well as fungi and lichens of Udmurtia. Cand. biol. sci. diss.]. Ufa, 2005. 181 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi: Teoriya i slovar'* [Udmurt-Turkic language interrelations: Theory and the dictionary]. Izhevsk: Udmurt University Publishing House Publ., 1993. 170 p. In Russian.

TatEtim. I – *Akhmet'yanov R. G. Tatar teleneḡ etimologik syzlege: Ike tomda* (= Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v dvukh tomakh) [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in two volumes]. Kazan, Məgarif – Vakyt Publ., 2015. Vol. I (A–L). 543 p. In Tatar.

TRS 2007 II – *Tatarsko-russkii slovar': V 2-kh t.* [Tatar-Russian Dictionary: In 2 volumes]. Kazan', Magarif Publ., 2007. Vol. 2 (M–Ya). 726 p. In Tatar.

URS 1983 – *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 35 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 35 000 words]. Comp. A. S. Belov, V. M. Vakhrushev, N. A. Skobelev, T. I. Teplyashina; ed. V. M. Vakhrushev. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983. 592 p. In Udmurt. In Russian.

URS 2008 *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 50 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 50 000 words]. Comp. T. R. Dushenkova, A. Egorov, L. M. Ivshin, and others; ed. L. E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 925 p. In Udmurt. In Russian.

Faseev F. S. *Vokalizm tatarskogo yazyka v sinkhronii i diakhronii* [Vocalism of the Tatar language in synchrony and diachrony]. *K formirovaniyu tatar Povolzh'ya i Priural'ya: Sb. Statei* [On the formation of the Tatars of the Volga and Urals: Collection of articles]. Kazan, 1985, pp. 99–109. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Moscow, Progress Publ. Vol. I: A–D, 1964. 562 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2-kh t.* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: in 2 volumes]. Cheboksary, 1996. Vol. 2 (S–Ya). 509 p. In Russian.

Munkácsi B. *A votják nyelv szótára* [Dictionary of the Udmurt language]. Budapest, 1896. XVI + 836 p. 2nd edition: Pécs, 1990. In Udmurt. In Hungarian. In German. In Russian.

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae LSFU XVII). In German.

Wichmann – *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann*. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S. In Udmurt. In German. In Finnish.

Received 07.09.2020

Maksimov Sergey Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: makser02@yahoo.com